

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 1907–1916 ГОДЫ

Революционное подполье Уфимской губернии накануне и в годы первой русской революции активно использовало различные виды террористической деятельности. Поражение революции, разочарование масс, особенно средних слоев, в насильственном переустройстве общества, укрепление правоохранительных структур изменило способы борьбы с самодержавием, породило во многом новую ситуацию в антиправительственном лагере.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ (БОЛЬШЕВИКИ). УФА.

Центром радикального подполья в крае были большевики. Они создали сильную боевую организацию, прославившуюся рядом крупных операций в 1905–1907 гг. Их БО существовала при Уфимском комитете РСДРП во главе с братьями Ив. и Эразмом Кадомцевыми. Большевистская партийная дружина имела четкую структуру, систему обучения кадров, рассчитанную на подготовку вооруженного восстания. Большевики “специализировались” на эксках. В августе и сентябре 1906 г. было совершено два нападения на почтовые поезда около Уфы. Добычей боевиков стало около 180 тыс. руб. На эти средства в частности финансировались V Лондонский съезд РСДРП, Таммерфорская конференция военно-боевых организаций, издание газет, расходы партийных комитетов и т. д.¹

Первоначально боевая дружина находилась в тесном контакте с Уфим. комитетом. Известный большевик М. Н. Лядов так вспоминал об уральцах.

© Печатается по материалам международной научной конференции «Право, насилие, культура России: региональный аспект (первая четверть XX века)», 2001

“Боевая работа не заслонила, не вытеснила общепартийную массовую работу, а наоборот, она носила служебный характер для партии”ⁱⁱ. Своеобразным воплощением такого союза служили братья Кадомцевы, возглавлявшие боевиков и тесно связанные с высшим партийным руководством.

Однако строго конспиративный характер существования боевой дружины, представлявший фактически самостоятельную организацию, огромные деньги от эксков, судьба которых до сих пор не ясна, амбиции лидеров усиливали расхождения во взглядах на методы борьбы с самодержавием. Уфимский социал-демократ Алексей Кийков (близкий к меньшевикам), адвокат, защищавший боевиков на судебных процессах, собирал документы и воспоминания по истории революционного движения в крае, опубликованные при советской власти. По словам боевика Владимира Алексеева уже в 1906 г. связь боевой дружины “с Уфимским комитетом постепенно слабеет. Представитель последнего все реже и реже бывал на собраниях дружины и в 1907 году, после вынесенных лондонским съездом партии постановлений, перестал бывать совершенно”ⁱⁱⁱ.

Решения V съезда РСДРП (весна 1907 г.) о роспуске боевых дружин^{iv} в Уфе выполнено не было. Между комитетом и БО сохраняется негласное сотрудничество. По одним сведениям экспроприация шрифта из типографии Соловьева, побеги арестантов и налет на казенный винный склад, где была захвачена большая партия браунингов и патронов совершались дружиной в 1907 г. “с ведома и согласия Уфимского комитета РСДРП”, по другим – при подготовке последнего экска комитет “не осведомляли”. В целом, вспоминали потом участники БО, “в 1907 году между боевиками и членами комитета в Уфе были натянутые отношения. Боевики смотрели скептически на “комитетчиков”^v.

На рубеже 1907–1908 гг. внутри БО произошли большие перемены в кадровом составе. Выбыла группа старых боевиков, привлекались новые члены.

Полностью сменилось руководство, состоявшее из двух сотников. Вместо Мих. Кадомцева, угодившего в Мензелинскую тюрьму, боевики выбрали Александра (“Шурку”) Калинина. А после ареста 4 декабря 1907 г. Мих. Гузакова (повешен в мае 1908 г.) сотником избрали Конст. Мячина^{vi}, в 1918 г. прославившегося тем, что вывозил царя Николая II в Екатеринбург.

Члены БО сами выбрали себе вождя, но, по всей видимости, и в начале 1908 г. сохранялось прежнее взаимодействие с Уфим. комитетом РСДРП в форме негласного сотрудничества. Вас. Терентьев, вступивший в ряды подпольщиков в феврале 1908 г., так описывал первые шаги на этом поприще. “Сначала я являлся передаточным агентом по конспиративным делам организации, а затем примкнул к боевому элементу в августе”^{vii}. Среди боевиков эпизодически числились “чисто” партийные деятели (Н. Г. Вагин, В. Д. Галанов и др.).

На подобное положение, вероятно, влияла и общая ситуация в уфимском подполье. Во главе местных социал-демократов находилась (до арестов 20 октября 1908 г.) группа энергичных профессиональных революционеров (братья Бронтманы, А. А. Черепанов, М. И. Ефремов, Д. М. Брагинский и др.). Больше года они успешно уходили от облав полиции, наладив в Уфе массовый выпуск печатной продукции, широко расходившейся по всему краю.

В первой половине 1908 г. у боевиков-эсдеков стояло полное затишье. Часть людей была в разъездах, оставшиеся ждали наступления лета, когда удобно проводить экссы. Возможно, сказывалось негативное отношение к БО, проявлявшееся в постановлениях партии. В мае 1908 г. Уральская областная конференция РСДРП объявила боевые организации “вне партии”^{viii}. Сказались и перемены в руководстве БО. Вчерашние рядовые бойцы, двадцатилетняя молодежь, не имела большого авторитета.

Об облике одного из вождей уфимских боевиков говорит донесение из Оренбурга. В октябре 1907 г. К. Мячин посетил свое родное село

Михайловское (Шарлык) Оренбургского уезда. На вопрос тетки Марфы Ива. Курочкиной, где он служит, Мячин отвечал так: “мы одеваемся в особую одежду, приходим к тому у кого много денег, командуем руки вверх и обираем деньги, вот и служба наша”^{ix}. А оказавшийся в декабре 1909 г. в руках полиции “Шурка” Калинин сразу дал чистосердечные показания на своих товарищей^x.

С наступлением теплых летних дней, когда долины Приуралья окутала “зеленка”, боевики-эсдеки оживились. Еще в апреле 1908 г. на Совете Уфимской боевой дружины с участием А. Калинина было решено организовать крупную операцию – освободить из Мензелинской тюрьмы М. Кадомцева.

К нему на свидание приехала мать, боевик В. Алексеев привез бомбы, оружие, прочее и во время свидания, видимо, они сумели передать два револьвера заключенным. Около двух часов ночи 16 июля 1908 г. М. Кадомцев и сидевший здесь же другой боевик Ив. Головкин самодельными ключами открыли камеры и вышли к комнате стражников. Однако трое дежурных не спали и, несмотря на наставленные револьверы, попытались оказать сопротивление. Боевики открыли стрельбу, все полицейские были ранены, стражник Абдулкарим Абсалямов затем скончался в больнице.

Беглецы выбежали из тюрьмы, за ними бросилась погоня, но, находившийся в засаде В. Алексеев метнул бомбу. Испуганная сильным взрывом, от которого в соседних домах вылетели стекла, полиция прекратила преследование.

Однако затем план боевиков дал сбой. Кадомцева и Головкина никто не встретил с лошадьми, впоследствии первый писал из тюрьмы, “что виноват какой-то Шурка, который все время тормозил”. Не найдя ничего, оба беглеца пешком двинулись за город, а В. Алексеев добежал до гостиницы, где с матерью Кадомцева тут же сели на извозчика и уехали к пристани.

Вечером того же дня 16 июля в общественном саду Мензелинска нашли две припрятанные сумочки. В них полицейские обнаружили три браунинга и

маузер, до 450 штук патронов, три ручные бомбы, бинокли, карту, подложные паспорта, бинт и прочее.

Добравшись до дер. Поисево боевики наняли крестьянина с лошадьми и выехали в дер. Байсарово, держа курс на Яркоево и Уфу. Но доставивший их сельчанин оказался братом байсаровского урядника Мухаметгарифа Салимова и сразу же побежал рассказывать тому. Урядник пригласил обоих к себе в дом выпить чаю и для будто-бы записи паспорта (при этом революционеры давали ему взятку в три рубля), а сам тайком отправил жену за стражниками. Зная о побеге из Мензелинской тюрьмы, сообразительный урядник продержал обоих два часа до приезда пристава. Но когда тот стал разбирать бумаги, боевики внезапно выхватили револьверы, закричали “руки вверх”, стали стрелять и бросились к выходу. В завязавшейся перестрелке И. Головкин был убит, а Кадомцев, отстреливаясь, помчался по улице. В самом конце деревни выбежавший на шум крестьянин Шайхильразый Мухаметшин схватил террориста и, несмотря на два пулевых ранения, удержал его, пока подоспевшие братья и полицейские не скрутили боевика. Во время задержания был смертельно ранен стражник Санников^{xi}. Дорогостоящая операция БО уфимских большевиков окончилась провалом. М. Кадомцев судом был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой^{xii}.

Вообще предприятия лета 1908 г., исполнителями которых были боевики-эсдеки, по всей видимости, часто являлись самостоятельными неорганизованными выступлениями отдельных дружинников. БО при Уфим. комитете РСДРП превращалась в фиктивную структуру, не способную контролировать своих боевиков, объединявшихся на экссы и теракты с анархистами, эсерами и вообще черт знает с кем.

Видимо острая нехватка денег подвигнула с.-д боевиков на рэкет. Сведения по этому вопросу очень скудны. В отчете жандармерии по Уфим. организации РСДРП за июнь 1908 г. сказано: “9 июня купцу Берштейн было

предложено выдать 500 р. для комитета»^{xiii}. Любопытно, что в финансовых отчетах примерно с января 1908 г. по июль 1909 г. фигурирует некий “Р. Б.” стабильно перечислявший большевикам по 50, 100, 150, 200 рублей, в отдельные месяцы числившийся единственным “спонсором”^{xiv}.

По агентурным данным рэкетом занимался боевик Дм. Розанов, вымогавший письмами деньги “у купца Авдеева и кажется у Берштейна”. В других отчетах жандармерии он проходил уже как анархист-коммунист, который “вымогает письмами с состоятельных лиц деньги под угрозой смерти... Ходит всегда с браунингом”^{xv}. Вообще уфимский купец Дм. Петр. Берштейн, был постоянным объектом внимания рэкетиров. В 1908 г. при вымогательстве у него денег был задержан Ив. Огурцов^{xvi}. Причем товарищи не шутили. В шесть утра 31 января 1908 г. в угол дома Берштейна бросили бомбу – слегка повредило здание, вылетели стекла^{xvii}. Вероятно, это было предупреждение.

Утром 18 июня 1908 г. около Уфы в поезде № 6 были ограблены артельщики (лица, перевозившие деньги) Симского завода Апарин и Салов, официально сообщалось о 12,5 тыс. руб. похищенных денег. Участниками грабежа назывались Д. Розанов и Вас. Наугольников^{xviii}. Затем эсдеки-боевики участвуют в двух нападениях на почту по тракту Уфа–Стерлитамак.

По показаниям “Шурки” Калинина первый теракт был совершен “по инициативе и разведке Наугольникова в сообществе 5–8 лиц неизвестных”. Кроме “Васьки Наугольникова”, которого “со товарищи” известный миньярский большевик М. Коковихин характеризовал как “рецидивистов-экспроприаторов”^{xix}, по сведениям полиции в налете вероятно участвовали анархисты Трунцов и Вотин, а также эсеры Серг. Елисеев, Конст. Овечкин, Ег. Чернов и Ганиатулла Ризванов^{xx}.

Около шести часов вечера 30 августа 1908 г. в двух верстах от дер. Камышлы Уфимского уезда бандиты залпами открыли огонь по почте, направлявшейся из Оренбурга в Уфу. Боевики, видимо, знали, что почтальон

вез 25505 руб. наличными и ценную посылку в 5000 руб. (золото в сыром виде). Однако сопровождавшая охрана из четырех стражников (трое конных) открыла ответный огонь. Потеряв одного человека убитым, полицейские не отступали, а тут еще работавшие невдалеке в поле крестьяне прибежали на выручку. Нападавшим пришлось спешно ретироваться, никого из злоумышленников задержать не удалось^{xxi}.

Для следующего разбоя выбрали жертву по легче. 3 сентября 1908 г. в 3,5 часа на пароконную почту (почтальон и пеший стражник) из Стерлитамака в Уфу в овраге под названием “Трахтау”, что в шести верстах от села Булгаково Уфимского уезда, внезапно напали из засады 10 боевиков (по сведениям Калинина – 5–8). Сразу были убиты обе лошади. Стражник и почтальон отстреливались, пока не кончились патроны, а затем побежали за помощью, бросив почту. Бандиты разрезали все чемоданы, распотрошили письма и посылки, раскидав их по тракту и ближайшему лесу. Добычей революционеров стали всего-навсего 2584 рубля, да за поврежденную корреспонденцию почтовому ведомству пришлось раскошелиться почти на три тысячи^{xxii}. Кроме участников предыдущего налета В. Наугольникова, возможно Трунцова и Вотина, во втором тракте были задействованы руководитель БО эсдеков А. Калинин, а также латыши по кличкам “Чиновник”, “Чурбан”, “Иисус”, “Карл большой”^{xxiii}. А. Кийков приписывал нападение 3 сентября “латышской боевой дружине”^{xxiv}.

Самым крупным и удачным эксом в 1908 г. стал налет на почту около Миасского завода. Поселок Миасс Оренбургской губернии находился на самой границе с Уфимской и являлся центром крупного района золотодобычи. По конфиденциальным сведениям полиции организатором разбоя был А. Калинин, по показаниям В. Терентьева – Мих. Ефремов, один из руководителей Уфим. комитета РСДРП. В ограблении участвовало около 10 человек (В. Терентьев, Козлов, Ив. Хрущев, К. Мячин, Вас. Мясников, Григ. Андреев и др.).

На почту следовавшую из Миасской почтово-телеграфной конторы на местный вокзал около 6 часов вечера 1 октября 1908 г., не доезжая менее версты, напали вооруженные боевики. Как только два почтальона в экипаже переехали небольшой мостик из соседних кустов началась стрельба. Под лошадей метнули фитильную бомбу, одну сразу убило наповал, другую сильно изувечило. Почтальон успел выстрелить несколько раз из своего браунинга, затем потерял сознание. Следовавших сзади двух стражников отсекали огнем. Боевики похитили два ценных пакета на 26 и 14 тыс. руб. Все налетчики благополучно скрылись^{xxv}.

Из награбленных 40 тыс. руб. кассир боевиков К. Мячин выдал на покупку одежды по 40–100 руб. каждому, а затем ежемесячно давал на содержание от 20 до 50 руб. Кроме того 16 тыс. руб. направили на подготовку освобождения Мих. Кадомцева, проваленного полицейскими арестами 19 февраля 1909 г. накануне суда над ним в Уфе. Еще 10 тыс. руб. “пошли на расходы партийной жизни”, уплату старых долгов, поездку и проживание за границей руководителей боевиков. А 6 тыс. руб. присвоил себе А. Калинин, “в организации Шурка”^{xxvi}.

Тем временем ситуация в Уфимском подполье круто изменилась. Полиция наконец-то вышла на комитет РСДРП и в ночь на 20 октября 1908 г. в Уфе прошли массовые обыски и аресты^{xxvii}. За решеткой оказался практически весь руководящий состав. Однако ряды боевиков аресты не затронули. Это еще раз подтверждает независимое существование БО от комитета.

При всех разногласиях старый состав Уфим. комитета эсдеков в общем сохранял с боевиками неплохие отношения. Один из видных уфимских социал-демократов Бейниш Бронтман имел связи с К. Мячиным. А по наводке боевиков Вас. Наугольникова, предлагавшего себя в секретные сотрудники, полиция нашла в тайнике на усадьбе Бронтмана фитильную бомбу^{xxviii}. Теперь же верх взяли решительные противники террора.

Городская конференция эсдеков “объявила дружину “вне партии” и предложила ей не именоваться социал-демократический”^{xxxix}. “Мы каждому заявляем, – говорилось на страницах газеты “Уфимский рабочий” от 26 сентября 1908 г., редактором которой был умеренно-меньшевистский А. А. Кийков, – что мы ничего общего не имеем с лицами, совершающими такие экспроприации. Если же кто-нибудь из экспроприаторов называет себя социал-демократом, то он является самозванцем”^{xxx}. Когда в ноябре 1908 г. в Уфу прибыл представитель ЦК С. В. Модестов, член Уральского областного комитета уфимец Н. П. Брюханов и группа (умеренных) активистов “снова объявили дружину стоящей вне партии”^{xxxi}.

Рубеж 1908/1909 гг. для уфимских эсдеков ознаменовался целой волной полицейских репрессий, а новый состав комитета (Н. Г. Вагин, А. А. Кийков, В. В. Спиридонов и др.) оказался совершенно беспомощным. Это не способствовало изживанию взглядов на террор как на одну из главных форм борьбы. Сам Ник. Вагин, заведовавший кассой и оружием комитета, по сообщениям сексотов, готовил с А. Калининым побег заключенных и даже обратился к уфимским эсерам и анархистам с просьбой убрать некоторых лиц, которые вредят делу организации, так как среди с.-д. нет подходящих лиц для совершения терактов^{xxxii}.

Сотрудник № 18 сообщал в уфимскую жандармерию, что местная социал-демократическая организация “обратилась за разъяснением в ЦК партии вопроса о том, как поступать с началом весны, когда возможно будет устраивать “массовки” с тем нарядом полиции, который будет высылаться для разгона “массовок”, возможно ли ему оказывать вооруженное сопротивление и не лучше ли высмотрев дом, в коем проживают стражники выступающие на массовки, подорвать его со всеми находящимися там людьми”^{xxxiii}.

Отношение к террору оставалось одним из самых животрепещущих вопросов партийной жизни. Во время обыска в феврале 1909 г. полиция изъяла

рукописное обращение анонимного автора “К партиям и партийным людям г. Уфы”, где, в частности, говорилось: “Обывателя научили уму разуму, научили как можно добыть кусок насущного хлеба, научили кричать “руки вверх”. И Уфа пожинает плоды просвещения уфимских большевиков с.-д.ков, уфимских с.-р.ов, анархистов... их же легион. Картины творятся поразительные. Входят в вагон молодые люди, кричат пресловутые слова “руки вверх” и под угрозой смерти обируют всех пассажиров, обируют самым бессовестным образом, – даже снимают часы. Другая картинка. Вручают письмо с требованием денег одному, другому, третьему... и грабят (экспроприируют), угрожая смертью. Многие покидают город. Наконец стреляют Вячкилева, стреляют одного доктора... И неужели обыватель еще не задумывается, неужели он радуется этому обстоятельству?

Левые партии признали экспроприацию казенных денег, что-же значит снятие часов?... Наконец С.-Д. большевики (меньшевики не признали экспроприацию) по постановлению Центр. Ком. должны распустить дружины вообще и экспроприаторские особенно...

Если экспроприации делаются партиями, то они, опирающиеся на народные массы, должны открыто заявлять в печати о своих “работах”, а на столбцах партийных листов и газет, как-то: “Уфимс. Рабочий” в приходе показывать графу экспроприированных денег.

Если же эти повседневные экспроприации не рук левых партий, то на обязанности их лежит прекратить этот денной грабеж мирного обывателя; я говорю на обязанности левых – с.-д. (большевиков), с.-р., анархистов ..., потому, что теперешние экспроприаторы – ученики и воспитанники левых... Принимайте меры к прекращению разврата!”^{xxxiv}

В этих условиях зимой 1908–1909 гг. при Уфим. комитете РСДРП остается небольшая кучка боевиков во главе с А. Калининым, а основная, самая опытная часть дружинников фактически порывает с комитетчиками всякие

контакты. Состав БО по сведениям полиции в январе 1909 г. включал 9 человек, в их числе находившийся за границей В. Алексеев, не участвовавшие ранее в терактах Н. Вагин, Филипп Захаров, малоизвестные лица^{xxxv}. Тем временем старый руководящий состав эсдеков распался. К лету 1909 г. в Уфе образуется новый городской комитет РСДРП (П. М. Боков, К. В. Готовцев, др.) и железнодорожный районный комитет (Н. К. Зайцев, И. Н. Безруков и пр.). Никаких документов о их связях с боевиками не выявлено.

От дружины остается одно название. Хранивший оружие А. Калинин никому его не отдавал, видимо, не желая расставаться с образом вождя террористов. В июне 1909 г. в Уфу приезжает студент Вик. Галанов, который стал собирать на новый экс своих сподвижников (Фед. Сыноров, Конст. Некрасов и др.). Но в ночь с 4 на 5 1909 г. полиция всех арестовывает. При этом “Шурка” Калинин бежит от конвоира и вплоть до 21 декабря 1909 г. скрывается в окрестных лесах и от жандармов, и от своих соратников^{xxxvi}.

Место вождя пустовало недолго. Весьма юный Никифор (иногда писали Михаил, или это кличка?) Козлов, неизвестно каким образом “став во главе дружины”, начал готовить новые эксы. Другие полицейские осведомители сообщали, что главные боевики – Козлов и Вас. Алексакин. Именно в Козлову обратился бывший анархист Фед. Матвеев (младший) с просьбой принять его в боевую дружину. Сначала Матвееву отказали, нет практики, затем предложили для доказательства верности кого-нибудь убить. Получив согласие Федора, вручили ему браунинг, а в качестве жертвы выбрали тюремного надзирателя Владимира Ефим. Уварова, который, как заявляли боевики, был груб и жесток с политическими арестантами. Говорили также, что Уваров участвовал в казнях приговоренных к смерти, в том числе известного большевика М. Гузакова.

В. Уваров в это время охранял заключенных, косивших траву за Оренбургской переправой. В первый раз убийцам помешал дождь, все сидели в шалаше. Но вечером 30 июля 1909 г. двое молодых людей (видимо, Матвеев и

Козлов) спокойно подошли, спросили дорогу, в упор изрешетили Уварова и, после недолгой перестрелки с погнавшимся надзирателем, благополучно скрылись в леву. В ответ полиция 1–3 августа провела обыски и аресты, удалось задержать Ф. Матвеева^{xxxvii}.

Это был последний теракт БО эсдеков, в большей или меньшей степени связанных с Уфим. комитетом РСДРП или хотя бы на словах признающих его руководство. К ноябрю-декабрю 1909 г. полицейские репрессии полностью уничтожили в Уфе организацию социал-демократов. Оставшиеся на свободе единичные партийцы никакой работы не вели. Но большевистский террор на этом не закончился.

Отринутые партией боевики просто не могли отказаться от эксов. Молодые люди, почти в возрасте от 20 до 30 лет, в массе без образования и специальности, были не в состоянии перейти к обычной мирной жизни. А кропотливая работа подпольщика не устраивала юные, горячие головы. Партийные “генералы” глубоко заблуждались, надеясь, что их резолюции станут выполнять.

По сведениям, полученным в советское время А. Кийковым от бывших террористов В. Алексеева и В. Алексакина, уже весной 1909 г. группа дружинников в Уфе неофициально создает “Уральскую боевую организацию РСДРП”, избирается руководящий орган – бюро. Первоначально бюро включало трех лиц – К. Мячина, В. Алексакина и Тимофея Кривога. 22 июля 1909 г. на горе возле Златоуста было созвано официальное учредительное собрание боевиков. Съехалось до 50 человек. Постановили образовать “из бывших дружинников при пролетарских организациях Уральской области” полностью самостоятельную структуру, признающую лишь идейное единство с социал-демократией. Обсуждались вопросы о принятии новых членов, вооруженном восстании, “ошибках старых боевых дружин”, будущих экспроприациях (казенных или частных) и т. д. В состав бюро избрали еще

двоих – И. Хрущева и В. Алексеева. Целью, как чистосердечно показал В. Терентьев, боевики наметили совершить ряд эксков “и затем всем уехать на остров Капри в Италии”, учиться в партийной школе.

Сходка боевиков продолжалась по 28 июля 1909 г. около Златоуста, затем в Уфе. Определили конкретное задание – “произвести грабеж казенных денег на станции Миасс”. Богатый район золотых приисков, удачный опыт предыдущего экска 1 октября 1908 г. (его участниками были К. Мячин и И. Хрущев), видимо сохранившиеся связи с местными жителями позволяли рассчитывать на богатую добычу.

С первых чисел августа боевики из Уфы выезжали на разведку, затем около Златоуста в горах оборудовали тайный лагерь, где репетировали ограбление, стреляли, метали бомбы. Здесь все потом и собрались. На вооружении террористов было 10 маузеров, 17 браунингов, холодное оружие, из привезенного динамита изготовили 5 бомб. Общее руководство операцией осуществлял К. Мячин, он же, видимо, получил точные сведения о поступлении на станцию Миасс крупной партии денег.

Все боевики были разбиты на пять отрядов. Первые три (командиры К. Мячин, подпольщик “Василий Иванович” и В. Алексеев) нападают на почтовое отделение и комнату с жандармами, четвертый отряд (Т. Кривов) организует внешнюю охрану со стороны платформы, пятый (возможно Козлов) блокирует телеграф, всего 17 человек. К 12 часам ночи с 25 на 26 августа 1909 г. небольшими разрозненными группами боевики собрались на станции Миасс, где загримировались (измазали лица черной краской), надели черные шапки, вдобавок к черным бородам, черным рубахам и пиджакам.

Двумя группами террористы вошли на станционный двор и, вместо запланированного разоружения охраны, открыли беспорядочную стрельбу. Вторая группа, решив, что подельщики натолкнулись на засаду, тоже начала поливать из револьверов. В итоге получилась кровавая бойня, четверо убитых и

10 тяжело раненных. Взорвав пироксилиновой шашкой дверь в почтовую комнату, налетчики вскрыли сейф и завладели огромной добычей. В руках бандитов оказалось 5 слитков золота по 10–11 фунтов каждый общей стоимостью 27450 руб., 40000 руб. пачками по 5, 10, 100 руб., кроме того деньги различными билетами, золотом, серебром на сумму около 19000 руб.

Боевики организованно покинули станцию Миасс, отцепив паровоз и высадив машиниста. По пути были разграблены два небольших полустанка, где повредили телефонную связь. За станцией Сыростан налетчики сошли и пешком отправились в горы, пустив паровоз в обратный путь на преследователей (железнодорожник на разъезде Тургояк сумел направить его в тупик).

Брошенная по горячим следам погоня из Миасса и Златоуста с сыскными собаками напала на след грабителей, но преследовать их в лесу побоялись.

Дерзкое ограбление подняло на ноги полицию нескольких губерний. “Охота” на террористов оказалась удачной, вскоре было задержано несколько боевиков, начали давать показания. несмотря на массовые аресты, члены “Уральской боевой организации” не собирались прекращать деятельность. В сентябре 1909 г. в Самаре состоялся съезд боевой дружины, где присутствовали Н. Козлов, Петр Зенцов, Д. Розанов, К. Мячин, В. Алексакин, Владим. Токарев и др. На съезде обсуждали вопрос “о приобретении взрывчатых веществ и производстве террористических актов в гор. Уфе”. Полицейский осведомитель выдал некоторых участников съезда (Козлова, Дм. Чудинова и др.). На свободе вскоре остались всего четверо из участников Миасского экска. Трое (Кривов, Хрущев, Мячин) перебираются за границу, где на украденные деньги финансируют школу в Болонье. Большинство же боевиков оказались в тюрьмах и на каторгах^{xxxviii}.

К концу 1909 г. уфимские боевики полностью разгромлены. В отчете жандармерии за ноябрь 1909 г. впервые указывается, что боевой организации

с.-д. “не имеется”. В дальнейшем полиция следила и отлавливала появлявшихся в Уфе бывших боевиков. Например, 20 июля 1911 г. на улице города был задержан бежавший из тюрьмы Петр Гузаков^{xxxix}. Но никаких боевых организаций, эксов, терактов со стороны социал-демократов не предпринималось вплоть до падения самодержавия.

СОЦИАЛ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ (ЭСЕРЫ). УФА.

В отличие от эсдеков уфимские эсеры “специализировались” на индивидуальном терроре. Им принадлежали наиболее громкие теракты: убийство губернатора Н. М. Богдановича в 1903 г. (эсер Е. Дулебов), покушения в 1906 г. на вице-губернатора А. И. Келеповского (Бушуев) и губернатора И. И. Соколовского (приписывалось эсеру Якову Федорову). В 1907 г. эсерами было совершено несколько более “мелких” преступлений. В Видинеевском саду Уфы 17 июля убили Георгия Зеленецкого, а 3 августа помощника пристава Бамбурова, 6 августа на Телеграфной улице застрелили Мих. Брейкина (в этих актах подозревалось участие террористов из летучего “Южного боевого отряда” эсеров), 27 июля кинули бомбу в помещение резерва полицейских стражников, вечером 25 августа в дер. Альшеево тяжело ранили торговца К. В. Ткачева, одного из лидеров местных черносотенцев^{xl}.

Эсеровский индивидуальный террор, террор как оружие возмездия, устрашения, средство политического давления на власть, полицию, массы не требовал больших организационных структур. Убийство в отличие, например, от грабежа почтовой станции, легко осуществить маленькой группой лиц. Это удобно и с точки зрения конспирации, не ставит под удар весь комитет.

Поэтому, скорее всего, существовавшая боевая организация эсеров в Уфе была еще более аморфной, чем у эсдеков. Фигурировавшие в полицейских отчетах эсеры-боевики очень часто ничем себя не проявляли, ни в каких терактах не участвовали. Наиболее экстремистски настроенные элементы в

уфимском революционном подполье тяготели к эсдекам и анархистам, а не к эсерам.

Зимний период 1907–1908 гг. БО эсеров существовала только на бумаге. Вообще все громкие дела у них остались в прошлом. Современник, анонимный социал-демократ невысоко оценивал эсеровский террор. “Эс-эры своими неудачными начинаниями испортили аппетит и работали сравнительно немного”^{xli}.

Летний сезон 1908 г. эсеровские боевики открыли очередным демонстративным убийством. В Уфимских железнодорожных мастерских и депо стали вводить сдельную оплату труда “и среди рабочих начинает появляться “соревнование”, чтобы получить работу” – отмечала нелегальная листовка. Последовавшие увольнения, требовательность и жестокость начальства вызвали недовольство Уфим. комитета Всероссийского железнодорожного союза, тесно связанного с эсерами^{xlii}.

В депо у эсеров имелась вооруженная организация, во главе которой стоял слесарь Александр Ефимов. По негласным сведениям полиции именно он организует покушение на начальника депо инженера Куракина. Утром 9 июня 1908 г. около проходной на мостике через канаву двое убийц в упор расстреляли инженера, спокойно поднялись в гору (станция лежит внизу) и скрылись в городе. Смертельно раненый Куракин вскоре скончался на руках сбежавшегося народа. Вторым террористом, скорее всего, был рабочий Ник. Трунцов, примыкавший к анархистам и участвовавший в убийстве “по приглашению”^{xliii}.

Однако в 1908 г. уфимским эсерам жилось нелегко. Полиция развернула широкомасштабные преследования. Оставшийся без дела боевой элемент во главе с инструктором эсеровской дружины С. Елисеевым (кубанский казак, борец в цирке) участвовал вместе с эсдеками в первом налете на почту на Стерлитамакском тракте^{xliv}.

Радикально настроенная часть уфимских эсеров была недовольна пассивной позицией городского руководства (председатель комитета банковский служащий Леонид Баранов, секретарь – доктор Мих. Зайцев), мечтала устроить ограбление казначейства^{xlv}. Осенью 1908 г. прошли перевыборы. Новый состав (Мих. Ершов-Перепелов, С. Елисеев, Александр Попов и др.) почти весь числился в боевой дружине. Но воплотить свои замыслы в жизнь не удалось. К сентябрю 1908 г. в рядах эсеров работали четыре тайных агента охраны^{xlvi}. Массовые аресты следуют один за другим.

От бывшего сотрудника жандармерии, уволенного со службы, эсеры узнают, что один из них, некий Всеволод Соколовский является осведомителем полиции по кличке “Деловой”. Из Перми с доказательствами приезжает эсерка Лидия Зубарева. Революционеры решают убрать сексота. Нелегальный “товарищ Антон” (Вас. Цыплаков) собирает боевиков (Н. Трунцов, М. Ершов, А. Попов и др.) и вечером 30 октября 1908 г. на Копейкиной улице агента охраны застрелили из револьвера^{xlvii}. Полиция на второй день задержала почти всех участников убийства, а последовавшие затем аресты в конце 1908 г. полностью уничтожили всю организацию эсеров в Уфе, в том числе и боевую дружину. Одновременно боевики в октябре 1908 г. стали вымогать письмами деньги у зажиточной дворянки Мариам Тимирбулат Султановой. На последнее письмо с требованием выдать 250 руб. ответили согласием и 26 октября к Ильинской церкви отправился переодетый полицейский, как условились, с подвязанной щекой. Он и схватил за руки подошедшего прилично одетого молодого человека. Вымогатель кусался, вырывался, но был задержан. Им оказался Г. Ризванов, ранее уже сидевший в тюрьме за террористическую деятельность^{xlviii}.

Попытки эсеров в 1909 г. восстановить в Уфе партийную организацию оказались безрезультатными. Усиленное скандалом вокруг Азефа, “повальное бегство членов – активных и “сочувствующих” продолжается с ужасающей для

партии последовательностью” – отмечалось в полицейском отчете^{xlix}. Осведомители неоднократно сообщали о надеждах эсеровского подполья на возрождение боевой работы, но все ограничивалось бесплодными разговорами. Например, в феврале 1910 г. ходили слухи, что боевики-эсеры собираются ограбить Волжско-Камский банкⁱ. Полиция время от времени отлавливала бывших террористов. В сентябре 1910 г. в Уфе удалось арестовать Вас. Андреева, участника вооруженного подполья в нескольких губерниях, затем он отравился в тюрьме стрихниномⁱⁱ. Жандармерия также подозревала, что нелегальный эсеровский деятель “тов. Антон” (В. Цыплаков) принимал участие в организации убийства тюремного надзирателя Уварова в июне 1909 г., осуществленного эсдекамиⁱⁱⁱ. Оставшиеся в Уфе народнически (в том числе и революционно) настроенные интеллигенты, рабочие и учащиеся вплоть до февраля 1917 г. никаких организационных структур воссоздать не сумели и под бдительным оком охраны никаких попыток возобновить террористическую деятельность не предпринимали.

АНАРХИСТЫ-КОММУНИСТЫ. УФА.

Революция 1905–1907 гг. вовлекла в политическую жизнь массу молодежи из низших слоев общества, малограмотную, имевшую весьма смутные представления о социалистическом учении. Их убеждениями были туманные эмоционально-популистские лозунги о тиранах, угнетателях, причинах зла в обществе и сказочном светлом будущем. Борьба с “игмом” самодержавия составляла саму суть, смысл их жизни. К 1907 г. сложился настоящий революционный социум, наподобие “воров в законе”, из людей занимавшихся только революцией, “кормившихся” ею.

Кроме руководящего партактива большевиков и меньшевиков, эсеров и энесов, такой же слой профессиональных революционеров сформировался в боевом движении, “внизу”. Террористы-эсеры и боевики-эсдеки слабо

подчинялись партийным вождям, постоянно тяготели к полной независимости, конфликтовали с комитетчиками. Самая же стихийная часть боевиков вообще не желала подчиняться начальникам из эмиграции, хотела действовать самостоятельно. Идеологическим “оправданием” их революционности стали идеи анархизма.

Впрочем, говорить о какой-либо анархистской теории очень и очень сложно. За конец 1907–1914 гг. в уфимском архиве не выявлено ни малейших документов о любых идейных взглядах анархистов, в отчетах жандармерии их официально именовали анархистами-коммунистами. Что из себя представляли политические воззрения этих молодых людей и имелись ли они у них вообще неизвестно.

Приблизительно осенью 1906 г. возникла “Уфимская группа анархистов-коммунистов”. На ее счету два экса, убийство, неудачная попытка вооруженного побега из тюрьмы. Уцелевшие от разгрома остатки боевиков и вступившие новые члены составили к октябрю 1907 г. в Уфе еще одну банду, связанную с “Уральской группой анархистов”. В ночь на 31 октября 1907 г. трое боевиков ограбили пассажиров поезда № 5 между станциями Уфа и Воронки. Один из них (Георг. Ветвинов) объявил на суде, что он “анархист-индивидуалист”.

Одновременно в октябре-ноябре 1907 г. анархисты начали вымогать деньги угрожающими письмами у многих уфимских предпринимателей (Нагеля, Зайцева, Чижова, Дворжеца и др.)^{liii}. Как явствует из перехваченного полицией письма, купцы платили бандитам. “После того как взяли Афанасия, – сообщал в Екатеринбург и Нижний Тагил аноним, – оставшиеся в Уральской группе, а именно Леонид, Миша, Иван с барки и Иван. Ав., начали творить в Уфе дела... начали посылать к буржуа письма, результатом которых с Костерина, Леска и какого-то жида они получили что-то около 1800 руб... жили на них и пользовались ими и все почти деньги прокутили!”^{liv}.

Революционный рэкет продолжался в 1908 г. Отказавшихся платить боевики пытались запугать.

В октябре 1907 г. уфимский купец Авдеев получил письмо от группы “анархистов-террористов” с требованием передать им до 26 числа 500 руб. “на ее террористические действия” иначе “вы будете “УБИТЫ”. На письме стояла печать “группы коммунистов-анархистов”. Авдеев отправил записку в полицию. Не дождавшись денег, четверо бандитов вечером 28 октября пытались проникнуть в дом купца, но слуга их не впустил. А вечером 8 ноября у входа в магазин Авдеева на Верхне-Торговой площади ночной караульщик обнаружил бомбу, артиллерийский снаряд в 22 фунта, начиненный динамитом и гремучим студнем, с зажженным фитилем. Сторож отбросил снаряд в снег, бикфордов шнур погас, взрыва не произошло^{lv}.

В два часа ночи 17 марта 1908 г. в дом дворянина Иосифа Антон. Верниковского по ул. Аксаковской ворвались четверо вооруженных бандитов, ранили хозяина, отняли около 800 руб. денег и часы. Накануне к нему приходил молодой человек, требовал деньги от имени партии анархистов-коммунистов^{lvi}.

К 1908 г. вокруг анархистов группировались боевики из других политических партий (эсдеки Д. Розанов, В. Наугольников и др.). В полицию в декабре поступила информация, что “Константин Мячин со дня на день ожидается из Петербурга в Уфу с инструкциями для анархистов”^{lvii}. Полиция часто не могла понять, с кем вообще имеет дело – анархистом, социал-демократом или эсером.

Удары правоохранительных органов разрушили анархистские группы. 25 сентября 1907 г. была захвачена химическая лаборатория и мастерская по изготовлению бомб, здесь же готовили фальшивые паспорта. Массовые аресты прошли 22 декабря 1907 г. В апреле 1908 г. задержан Вик. Разумов, вымогавший деньги у купцов, в тюрьме оказался “Леонид” (Л. Крылов, он же Харченко) и др. Оружие “Уральской группы” Афанасий Шеломенцев передал

на хранение эсерке Валентине Мальцевой. Другие бандиты покинули город^{lviii}. В дальнейшем единичные анархисты (супруги Хахалкины) и другие пытались возродить анархистское движение, поддерживали связи с нелегалами, хранили оружие (три бомбы полиция изъяла в мае 1910 г.)^{lix}, строили планы, но вымогательство, грабежи, теракты с 1909 г. ушли в прошлое. После февраля 1917 г. анархистские группы в Уфе не были восстановлены.

УЕЗДНЫЙ ТЕРРОР

Оплотом террористической деятельности в крае был губернский город Уфа. Население Уфы на рубеже XIX–XX вв. росло чрезвычайно быстро, удваиваясь через каждые 10 лет. Из тихого провинциального городка с числом жителей в 27 тыс. чел. (1886 г.) Уфа превратилась в крупный торгово-промышленный и административный центр на великом железнодорожном пути в Сибирь (110 тыс. чел. в 1916 г.)^{lx}. В газетах Уфу именовали “вторым Чикаго”, уже по переписи 1897 г. число приезжих превысило количество коренных уфимцев. Мигранты-маргиналы со всех концов России, вчерашние крестьяне, рабочие, служащие, учащая молодежь, “бидонвилли” по склонам уфимских оврагов составляли питательную почву для распространения всевозможных радикальных идей.

Ничего этого не было в уездных городках Уфимской губернии. Полусельский патриархальный уклад жизни, отсутствие крупных промышленных предприятий, “кучка” интеллигентов среди мещанского моря и окрестной безбрежной деревни. Из пяти остальных (кроме Уфы) уездных городов в трех (Мензелинск, Стерлитамак, Белебей) никакой террористической деятельности вовсе не было. Одно убийство на политической почве случилось в Бирске.

Здесь к 1907 г. существовал небольшой кружок эсеров, занимавшихся пропагандой. Один из них, мещанин Вас. Журавлев давно подозревался в

связях с полицией. В 8 часов вечера 3 октября 1908 г., когда Журавлев в родительском доме (сапожной мастерской) сидел и шил ботинки, с улицы через окно раздался выстрел. Василий свалился с табуретки, убитый на повал. Поднятая по тревоге полиция уже в 5 утра задержала предполагаемого убийцу – крендельщика Петра Гребнева. Он спал одетый, даже в шапке, в карманах нашли браунинг с патронами. Результатом этого теракта стал полный разгром бирской группы эсеров^{lxi}.

Полицией были также ликвидированы боевая дружина эсеров в Благовещенске (21 сентября 1908 г.) и эсеровский “Демский крестьянский союз”, действовавший в районе железнодорожных станций Давлеканово и Раевка (май 1909 г.)^{lxii}. В обоих случаях революционная пропаганда и агрессивные замыслы эсеров не вылились в какие-либо теракты.

Террор в начале XX в. имел национальную окраску, но весьма резко отличавшуюся от современной ситуации в мире. Совершенно отсутствовал исламский терроризм. В боевых дружинах эсдеков и эсеров насчитывались единицы башкир и татар. Появившиеся после 1905 г. мусульманские политические движения не допускали использование террора. Революционное подполье состояло из русских и евреев, но ни одного случая участия евреев в терактах на территории Уфимской губернии в конце 1907–1909 гг. нет. Зато в Архангельской волости Стерлитамакского уезда существовала агрессивная латышская боевая организация, примыкавшая в целом к эсдекам, хотя полиция никак не могла определить политическую физиономию этих боевиков.

На землях закрывшегося Архангельского медеплавильного завода с конца XIX в. поселилось много латышей. Их хутора выделялись зажиточностью среди окрестного населения, высокой трудовой культурой, грамотностью жителей. А латышские боевики почему-то отличались крайней жестокостью.

Первым объектом их внимания стал местный лесопромышленник Федор Андр. Клементьев, задолжавший некоторым латышам – поставщикам

лесоматериалов значительные суммы. В мае 1908 г. он отправился в Уфу за деньгами (5000 руб.). Боевики следили за его хутором, подпоив кучера, поехавшего встречать хозяина, узнали обратный маршрут. Накануне местные башкиры сумели рассмотреть группу латышей у дороги в лесу (7–8 человек), двое под видом охотников стояли с ружьями на страже, “остальные лежали закрывшись с головой”. Утром 30 мая 1908 г. Ф. Клементьев на тройке в этом месте и попал в засаду. Его даже не стали останавливать, а сразу открыли огонь на поражение. Клементьева и двух лошадей буквально изрешетили пулями и самодельной картечью, раненые кучер и третья лошадь, которая разорвала упряжь, смогли убежать и скрыться в лесу.

Полиция провела обыски и аресты на латышских хуторах. 8 июня 1908 г. латышская боевая организация ликвидирована – гордо сообщалось в сводках жандармерии. Крестьяне однако сообщили, что в глухих горах возле Архангельского завода видели вооруженных револьверами 6–8 латышей. Высланный наряд полиции 11 июня 1908 г. в двух верстах от селения встретил на дороге двух молодых латышей, которые сразу начали перестрелку. Один был тяжело ранен, а второй (Август Скаберг) застрелился^{lxiii}.

3 сентября 1908 г. группа латышей участвовала вместе с уфимскими эсдеками в налете на почту по Стерлитамакскому тракту. Затем боевики затаились и полиция столкнулась с ними лишь в сентябре 1909 г., когда по всему краю ловили бандитов, ограбивших станцию Миасс. Отряд из двух приставов и 10 стражников рано утром 6 сентября 1909 г. отправился с обыском на хутор Яна Скаберга, что возле Архангельского. Владелец подозревался в связях с революционерами. Едва обыскали хозяев и работников, а урядник Бабенко полез осматривать сеновал, как оттуда выбежали две девицы и посыпался град выстрелов. Полицейские бросились на приступ, но засевшие наверху боевики Мартин Рийтер и Анс Пикевич из маузеров открыли такой шквальный огонь (до 300 выстрелов по показанию полицейских), что Бабенко и

трое стражников получили смертельные ранения. Из-за нехватки сил и стремясь спасти товарищей полицейские отряды отступили. На поимку террористов были брошены все силы, обыски в латышских колониях дали результат, большая группа латышей-боевиков (М. Рийтер, Ив. Клявин, Фридрих Пелскайс, Карл Берзин и др.) были арестованы^{lxiv}. Латышский терроризм на этом закончился.

Вторым после Уфы эпицентром террора в крае был горнозаводской район губернии. Непосредственно в Уральских горах располагались три округа (металлургические заводы, окрестные земли с рудниками и лесами). Интеллигенции здесь проживало крайне мало, терроризм имел чисто пролетарскую окраску.

Вообще отношения на заводах между администрацией и рабочей массой были очень жесткими. Заводская дисциплина противостояла русскому разгильдяйству, большинство конфликтов разрешалось силой и неизбежно приобретало политическую окраску. Любое увольнение, изменение расценок и т. д. сразу принимало форму противостояния сатрапов самодержавия и отважных революционеров.

Вот, например, какие записки получала заводская администрация в январе-июне 1916 г.: “мы с.д.п. заявляем вам что вы оказались удавом рабочего народа”, повышайте зарплату, а то плоха будет, “если не отмените рабочим за прогул штрафов то мы тебе голову снесем с плеч то знайте”, “местный комитет с.-р. постановил предложить Вам и г. Бухтееву добровольно убраться с завода”^{lxv} и т. д. и т. п.

Ответные меры были тоже силовые. В феврале 1909 г. инженер-технолог Мыльников, начальник 4-го Златоустовского участка тяги, получил анонимку за подписью “собрание всех паровозных бригад”, где требовалось сокращенных помощников машинистов вернуть на место, или он будет приговорен к смертной казни. Мыльников заявил полиции, что подозревает 4-х рабочих, все

политически неблагонадежные. Их арестовали, а затем приговорили к административной высылке^{lxvi}.

Нравы, царившие на уральских заводах, ярко иллюстрирует покушение 17 декабря 1915 г. на мастера снарядного цеха Златоустовского завода Федора Лапина. Поздно вечером он вышел из проходной один и в тот же момент неизвестный открыл по нему стрельбу. Не растерявшийся мастер мгновенно выхватил свой револьвер и ответным огнем “подавил” террориста, заставив того ретироваться в темноту^{lxvii}.

В каждом горнозаводском округе была своя ситуация. Катав-Юрюзанский округ князя К. Э. Белосельского-Белозерского находился в самом плачевном состоянии – Юрюзанский и Катав-Ивановский заводы закрылись, Усть-Катавский вагоностроительный и железоделательный завод еще в 1898 г. был продан бельгийцам. Оставшееся без работы население перешло к земледелию. Революционное движение здесь практически отсутствовало.

Симский округ братьев Балашевых (с 1913 г. акционерное общество) включал Симский и Аша-Балашевский чугуноплавильные заводы и Миньярский завод, где из чугуна производили готовое железо. Именно небольшой поселок Миньяр (7 тыс. жителей) был центром революционной и террористической активности. Здесь выпускалась товарная продукция и рабочие могли диктовать условия хозяевам.

Казенный Златоустовский горный округ составляли три крупных оборонных предприятия – заводы в Сатке, Кусе и самом Златоусте. Госзаказ, стабильное финансирование, потребительская кооперация – все это создало особую обстановку. Тон задавали квалифицированные, высокооплачиваемые рабочие, имевшие свои дома с огородами. “Рабочая аристократия” тяготела к более традиционалистским взглядам партии эсеров. Златоуст считался эсеровским оплотом на Южном Урале. А находившиеся “в глубинке” Сатка и Куся вообще стояли почти вне революционного движения.

Мощная эсеровская организация в Златоусте жестоко расправлялась с противниками. Только в ноябре 1907 г. эсеры убили двух городских и жандармского унтер-офицера. Стоявший во главе комитета Мих. Сосновских носил даже кличку “Горный начальник”. Полиция 2 декабря 1907 г. сумела задержать часть верхушки, но оставшиеся боевики по-прежнему наводили страх на обывателя. Единственному “тайному” агенту охраны Марфе Стерлядовой соседки прямо советовали сходить и покаяться к главе боевиков Ив. Бородину, “имеющему власть карать и миловать”.

Женщина-агент, которой вдобавок нерегулярно платили, тем не менее точно указала дом, где поселились два, приехавших из Уфы, террориста. 8 февраля 1908 г. внезапно нагрянувшая полиция “взяла” обоих, боевики не успели воспользоваться оружием. А маленькая дочка хозяина квартиры рассказала сыщикам, что у дядь была “машинка” и показала спрятанный в ботинке браунинг.

В отместку эсеры решили убить Марфу. 12 февраля около 9 часов вечера к ней в дом бросили бомбу большой мощности. Брату оторвало обе ноги, он вскоре умер, а ловкую шпионку только слегка ранило. Тогда 28 мая в лесу революционеры подкараулили Стерлядовых и расстреляли из браунинга. Марфу ранило в ноги, а ее мужа Федора убили наповал. История эта даже попала в нелегальную печать. В ответ в ночь с 12 на 13 февраля 1908 г. полиция арестовала нескольких эсеров-боевиков. Златоустовская БО прекратила существование^{lxviii}.

При небольшой социал-демократической группе в Златоусте тоже имелась боевая дружина, вооруженная в отличие от эсеров не браунингами и смит-вессонами, а маузерами и охотничьими ружьями. На ее совести один теракт. Рабочий Конст. Илыков, отчисленный из рядов эсдеков, поступил осведомителем в полицию. В небольшом городке это скрыть не удалось. 20

октября 1908 г. через окно двое террористов расстреляли Илыкова. Получив ранение в живот, тот скончался^{lxi}.

Спад революционного движения в стране, изменения в соотношении противоборствующих сил прямо повлияло на златоустовское подполье. Благоразумие состоятельных рабочих привело к полному прекращению деятельности боевиков, хотя эсеры сохраняли большое влияние. Именно в окрестностях Златоуста 14 марта 1909 г. состоялся VI экстренный областной (уральский) съезд ПСР^{lxx}. Впоследствии здешний эсеровский социум погрузился в глубокую “спячку”, но даже под ударами полиции, без организационных структур, он сохранился вплоть до февраля 1917 г.

В проэсеровской массе рабочих Златоуста периодически появлялись попытки расправиться с ненавистными лицами. Например, заведующего снарядным цехом инженера Енько (холод в цехе, обман при расчетах и прочие обвинения) хотели убить еще в 1903 г., покушения на него были в 1910 и 1915 гг. Пытались убить также мастера того же цеха Рогожникова (1910–1911 гг.), рабочего Ренева (агент охраны “Высокий”, 1916 г.) и т. д.^{lxxi} Желание использовать насильственные методы не исчезало никогда.

Боевые организации эсдеков (большевиков) в 1906 г. были образованы на всех заводах Балашевского округа – в Симе, Аше и Миньяре. После официального роспуска дружин в 1907 г. они продолжали фактически существовать, сохраняя нормальные отношения с комитетами^{lxxii}. В начале 1908 г. была разоружена Симская дружина. Из Уфы полиция подслала сотрудника, который обманом забрал револьверы с патронами^{lxxiii}.

Настоящим оплотом терроризма стал Миньярский завод. Первое преступление произошло 28 ноября 1908 г. Возвращавшийся со станции Аша домой управляющий Аша-Балашевским заводом инженер Петр Петр. Кучкин был смертельно ранен пулей на вылет. К каторжным работам суд приговорил

боевиков Степ. Туманова и Степ. Салова, которым миньярцы каждый год посылали денежную помощь^{lxxiv}.

Летний сезон 1909 г. ознаменовался целой серией различных преступлений в горнозаводской зоне, которые жандармерия связывала с деятельностью революционного подполья. В полдень 13 апреля 1909 г. полесовщик Илья Лобачев из Миньярского завода повез деньги в курени “дрворубов”. Служащий конторы Егор Круглов (17 лет, подозревался в связях с эсдеками) почему-то отказался от предложенной полицией охраны, а отправил пару сопровождающих (также близких к с.-д.). В двух верстах от завода, на горе из ельника четверо заgrimированных бандитов открыли стрельбу именно по Лобачеву (с ними ехали еще двое попутчиков). Вооруженные револьверами сопровождающие бросили полесовщика, ускакав обратно. Под Лобачевым убили лошадь, самого ранили, а деньги отобрали^{lxxv}.

В эти же дни молодежью из околореволюционных кругов совершается ряд уголовных преступлений. Утром 11 апреля у станции Усть-Катав некий Игн. Попов напал с ножом на артельщика Дмитриева, неудачно пытаясь того ограбить (в выхваченном портфеле денег не оказалось). В марте и апреле 1909 г. в Миньяре случились два убийства (обвинялись “социал-демократы”), в апреле на станции Кропачево и в селе Ерал произошли волнения новобранцев, а в Аше конторский служащий Вас. Ларионов (тоже эсдек по определению полиции) сбежал, украв 1300 руб.^{lxxvi}

Полиция фиксирует оживление политической активности (сходки рабочих) в горнозаводской зоне, а экссы следуют один за другим. В ночь на 27 мая 1909 г. на разъезде Яхино трое вооруженных пытались украсть телеграфный аппарат, к деньгам налетчики даже не притронулись. Поздно вечером 5 июня на разъезде Юрюзань также три бандита намеревались отнять у сторожа стрелочные ключи, но железнодорожник стал свистеть, сопротивляться и боевики, избив его, убежали. Днем 16 июня на перегоне от

станции Сулея до разъезда Единовер был разобран рельсовый путь. Потерпел крушение товарный поезд. Полиция предполагала, что готовили аварию почтового поезда, который, с ценностями, должен был проследовать несколько позднее. В ночь на 21 июня четверо заgrimированных бандитов, вооруженных револьверами, напали на станцию Симская. Приказав всем лечь на пол, они взломали кассу, похитив более 2200 руб. 24 июня на станции Усть-Катав ямщик, лицо политически неблагонадежное, похитил у задремавшего стражника винтовку. При обыске в кармане ямщика нашли листовку с рисунком: “Правила употребления динамита”^{lxxvii}.

Агентурные данные однозначно указывали, что все это дело рук миньярцев, но прямых улик не было. Полиция в ответ перешла к превентивным арестам. 10 июля 1909 г. арестовали заводской комитет эсдеков и стали готовиться к ликвидации боевиков, чтобы удалить их из Миньяра и “этим предотвратить насильственные действия в этой местности и успокоить терроризируемое население”^{lxxviii}. 15, 17, 18 сентября 1909 г. полиция проводит массовые обыски и аресты в Миньяре, 16 человек арестовано по обвинению к принадлежности к боевой дружине^{lxxix}. И буквально одновременно оставшиеся на свободе бандиты проводят последний экс.

В два часа ночи 19 сентября 1909 г. в пассажирский поезд № 6, шедший из Уфы, на ходу, едва он отошел от станции Миньяр, вскочили 8 злоумышленников. Быстро среди спящих пассажиров они отыскали усть-катавского артельщика Ник. Косолапова, который вез саквояж с 15 тыс. руб., разоружили сопровождающего стражника и, забрав деньги, выскочили из вагона. Поднятая по тревоге полиция нашла в лесу вещи бандитов и заряженный маузер^{lxxx}.

Но в целом боевая дружина в Миньяре была окончательно разгромлена и к осени 1909 г. революционный террор в Уфимской губернии прекратился. Хотя Миньяр вплоть до 1917 г. оставался оплотом “красных”, центром

забастовочного движения, здесь имелся крепкий комитет эсдеков, к террору местные подпольщики больше не обращались.

ИТОГ

Изучение политического терроризма в Уфимской губернии в период после революции 1905–1907 гг. на региональном материале подтверждает общие закономерности. Безусловно права А. Гейфман, показавшая господство в этот период террористов “нового типа”, лишенных осмысленного философского и политического мировоззрения, мало чем отличавшихся от обычных бандитов и насильников^{lxxxii} (самооправдания “великими идеями” ничего не меняют). Причем террорист “нового типа” это не только анархист, но и эсер, и, особенно для Уфимской губернии, эсдек.

Местный материал не подтверждает “действительной и существенной роли” центральных партийных структур в организации террора^{lxxxiii} не только у эсеров, но и у социал-демократов. Уфимские боевики работали совершенно самостоятельно. Из “центра” в лучшем случае доходили лишь партийные резолюции, которые на практике сплошь и рядом не выполнялись. А к организации эксков и терактов в Уфимской губернии “центры” вообще никакого отношения не имели.

На Южном Урале в 1907–1909 гг. наблюдалась общеизвестная картина. Сначала боевые дружины находились под контролем партийных комитетов, но существование в условиях строгой конспирации все больше отдаляло боевиков. Они все (эсдеки и эсеры, в Уфе и уездах) стремятся к полной независимости. Полиция сообщала, что эсер Александр Уткин с боевиками в Златоусте пытался обособиться для совершения терактов^{lxxxiiii}. В конце концов изменение политической обстановки в стране, потребовавшее отказа от террора, компрометация великих революционных идей грабежами и разбоем вынудило объявить о роспуске всех БО.

Боевики конечно же и не думали самораспускаться. По всей стране возникают независимые, никому не подчиняющиеся организации революционных террористов. “Лбовщина” в Пермском Прикамье^{lxxxiv}, уфимская полиция отслеживала связи златоустовских эсеров с уральскими “лесными братьями”^{lxxxv}, Забайкальская федерация групп вооруженного народного восстания^{lxxxvi} и в ряду их “Уральская боевая организация РСДРП”, существовавшая в первой половине 1909 г. в Уфимской губернии. Весь исторический опыт XX в. показывает, что расчеты политиков на послушных, управляемых террористов обречены на провал. Рано или поздно боевики выходят из под контроля, начинают жить самостоятельной жизнью, “разыгрывать свою карту”. Бесчисленные группировки, отколовшиеся от Ирландской республиканской армии, всевозможных левых, национальных, религиозных течений и партий Европы, Латинской Америки, Азии повторяют путь российских террористов.

История также учит, что насколько легко породить терроризм, настолько трудно загнать джина обратно в бутылку. Складывается слой профессиональных революционеров (боевиков, моджахедов и пр.) из молодых людей, которые кроме эксов и терактов больше ничего не умеют делать. Амбициозные, очень часто малограмотные, не состоявшиеся в мирной жизни люди просто не могли уйти из террора. Им некуда было идти. Разбитые остатки вооруженных экстремистов, вчерашние члены коммунистических партий Бирмы, Колумбии, прочих стран Южной Америки и Юго-Восточной Азии, различные троцкисты, маоисты, анархисты идут в конце XX в. на службу наркомафии, вырождаются в “обычных” бандитов. Связь революционного и уголовного миров в России, показанная А. Гейфман, подтверждается материалом по Уфимской губернии.

Наряду с революционным террором, захлестнувшим горнозаводскую часть края, в эти же годы здесь процветал уголовный бандитизм (вооруженные

налеты на магазины, убийства, пр.). Около того же Миньяра, по сообщению полиции, существовало какое-то сборище под названием “Стан”, из лиц не принадлежавших к социал-демократам, или исключенным из партии. Они занимались грабежами на собственные цели, для личного потребления^{lxxxvii}. В декабре 1908 г. уфимские эсеры были перепуганы слухом, что якобы из тюрьмы освободили “Гришку Портного”. Ему когда-то поручили теракт над самим губернатором, но он оказался обычным вымогателем и партия порвала с ним. Эсеры боялись, что уголовник выдаст их^{lxxxviii}. В сентябре 1911 г. возле Уфы нашли тело убитого Дм. Кандакова, одетого в черную маску. Он раньше состоял в боевой организации, в группе Гузакова. Но оказался убитый простым грабителем, которого отец выгнал из дома. Жил тот безбедно и к “товарищам” уже никакого отношения не имел^{lxxxix}.

Опыт старших крепко усвоило молодое поколение. В феврале 1910 г. купцам Бирска угрожал 14-летний реалист Дм. Злобин, который требовал по 200 руб. от имени “Союза анархистов”. В августе 1911 г. неизвестные подростки терроризировали предпринимателей Стерлитамака угрожающими письмами за подписью “Союз черной руки”, в феврале 1912 г. у уфимского нотариуса якобы эсеры вымогали 12,5 тыс. руб., в феврале 1915 г. к бирскому купцу анонимная “шайка анархистов из Варшавы” обращалась с требованием отдать 10 тыс. руб.^{xc}

Терроризм, политический экстремизм вообще, оказывал разрушительное воздействие не столько на царскую администрацию, каких-либо следов “испуга” мы не нашли, элементарная личная безопасность высшего руководства была быстро организована, сколько на массовое сознание. Вседозволенность, нежелание подчиняться, неумение проигрывать, стремление все решать только силовыми методами, неразборчивость в средствах, признание к человеческой жизни оставляли ядовитые семена в душах людей.

- ⁱ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 92–92; также см.: Егоров А. В. К вопросу об эвакуации большевиков из Уфы в июле 1918 года // Башкирский край. Вып. 3. Уфа, 1993. С. 104.
- ⁱⁱ Очерки истории. С. 91–92.
- ⁱⁱⁱ Кийков А. Из былого Урала. Материалы к истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье. (1905–1916 гг.). Уфа, 1923. С. 87.
- ^{iv} См.: Очерки истории. С. 106.
- ^v Кийков А. Указ. соч. С. 88.
- ^{vi} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 337. Л. 562; Д. 273. Л. 751 об.
- ^{vii} Там же. Д. 323. Л. 149 об.–150.
- ^{viii} Очерки истории. С. 106.
- ^{ix} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 345. Л. 656 об.–657.
- ^x Там же. Д. 264. Л. 307 и др.
- ^{xi} Там же. Д. 263. Л. 13, 16 об., 37–38; Рыбченко Т. И. Пляска Святого Витта. Уфа, 1992. С. 122–126.
- ^{xii} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 263. Л. 19 и об.
- ^{xiii} Там же. Д. 266. Л. 465.
- ^{xiv} Финансовые отчеты уфимского комитета РСДРП за 1904–1909 гг. / подг. Ю. П. Кизин // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973. С. 351–353.
- ^{xv} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 321. Л. 55 об.; Д. 260. Л. 89об.; Д. 265. Л. 136об.
- ^{xvi} Там же. Д. 309. Л. 947; см. также: Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1528. Л. 221–223.
- ^{xvii} Там же. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 311. Л. 47.
- ^{xviii} Там же. Д. 168; Д. 260. Л. 89об.; Д. 321. Л. 45об., 55об.; Д. 536. Л. 241–242.
- ^{xix} Коковохин М. Партийная работа подполья Миньярской организации // Былое Урала. № 3. Уфа, 1924. С. 27.
- ^{xx} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 260. Л. 89об.; Д. 312. Л. 719; Д. 321. Л. 45об.; Д. 580. Л. 218.
- ^{xxi} Там же. Д. 311. Л. 162–163.
- ^{xxii} Там же. Л. 199, 202, 208.
- ^{xxiii} Там же. Д. 264. Л. 308; Д. 312. Л. 719; Д. 260. Л. 89об.; Д. 337. Л. 562; Д. 342. Л. 681; Д. 321. Л. 16об.
- ^{xxiv} Кийков А. Указ. соч. С. 110.
- ^{xxv} Там же. С. 89; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 337. Л. 562, 564; Д. 262. Л. 34; Д. 265. Л. 9; Д. 323. Л. 150.
- ^{xxvi} Там же. Д. 323. Л. 150.
- ^{xxvii} Там же. Д. 266. Л. 531.
- ^{xxviii} Там же. Д. 364. Л. 66, 68.
- ^{xxix} Кийков А. Указ. соч. С. 88.
- ^{xxx} Очерки истории. С. 106.
- ^{xxxi} Кийков А. Указ. соч. С. 88.
- ^{xxxii} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 265. Л. 175об.; Д. 285. Л. 982.
- ^{xxxiii} Там же. Д. 265. Л. 172.
- ^{xxxiv} Там же. Д. 347. Л. 90.
- ^{xxxv} Там же. Д. 272. Л. 316.
- ^{xxxvi} Там же. Д. 264.
- ^{xxxvii} Там же. Д. 377. Л. 559–560; Д. 583. Л. 3–4; Д. 322. Л. 107–108, 141; Д. 264. Л. 99–100, 113, 115; Д. 329. Л. 817, 822.
- ^{xxxviii} Там же. Д. 264. Л. 191; Д. 329. Л. 842, 847, 849; Д. 344. Л. 6; Д. 323. Л. 149–152; Кийков А. Указ. соч. С. 90–91; Рыбченко Т. И. Указ. соч. С. 142–148.
- ^{xxxix} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 271. Л. 146; Д. 342. Л. 692, 696; Д. 381. Л. 84об.
- ^{xl} Там же. Д. 439. Л. 9–22; Д. 429. Л. 162; Д. 260. Л. 27; Кийков А. Указ. соч. С. 106.
- ^{xli} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 347. Л. 90.
- ^{xlii} Там же. Д. 290. Л. 21.
- ^{xliiii} Там же. Д. 265. Л. 266; Д. 283. Л. 323; Д. 316. Л. 717; Д. 286. Л. 1146.
- ^{xliiv} Там же. Д. 580. Л. 218.
- ^{xli v} Там же. Д. 265. Л. 50.
- ^{xli vi} Там же. Д. 267. Л. 682.
- ^{xli vii} Там же. Д. 265. Л. 98, 85об., 90 об.; Д. 283. Л. 316, 323–325, 327; Д. 329. Л. 765–766; Д. 422. Л. 11; Кийков А. Указ. соч. С. 107.
- ^{xli viii} ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 311. Л. 241; Д. 329. Л. 760.
- ^{xlix} Там же. Д. 318. Л. 16.
- ^l Там же. Д. 329. Л. 724об.
- ^{li} Там же. Д. 429. Л. 161–162.

- lii Там же. Д. 387. Л. 677об.; Д. 329. Л. 765–766.
- liii Там же. Д. 279. Л. 104–106; Д. 311. Л. 69–72; Кийков А. Указ. соч. С. 103.
- liv ЦГИА РБ. Ф.И-187. Оп. 1. Д. 390. Л. 112.
- lv Там же. Д. 311. Л. 60, 67, 68.
- lvi Там же. Л. 118.
- lvii Там же. Д. 260. Л. 89.
- lviii Там же. Д. 279. Л. 105–106; Д. 307. Л. 1025; Д. 332. Л. 23об.; Д. 505. Л. 362, 369; Д. 537. Л. 602.
- lix Там же. Д. 376. Л. 3.
- lx Роднов М. И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 17.
- lxi ЦГИА РБ. Ф.И-187. Оп. 1. Д. 267а. Л. 1–2; Д. 424. Л. 28; см. также: Сахратуллин С. Ф. Из истории Бирской организации социалистов-революционеров // Политические партии и движения в Башкортостане. Уфа, 1997. С. 19–20.
- lxii ЦГИА РБ. Ф.И-187. Оп. 1. Д. 267. Л. 755–757, 783; Д. 277. Л. 18; Д. 260. Л. 17–26, 60–69.
- lxiii Там же. Д. 287. Л. 233–237; Д. 321. Л. 18.
- lxiv Там же. Д. 272. Л. 312–314 и др.
- lxv Там же. Д. 580. Л. 45, 49, 75.
- lxvi Там же. Д. 284. Л. 334, 403.
- lxvii Там же. Д. 588. Л. 29, 72.
- lxviii Там же. Д. 262. Л. 17–18; Д. 278. Л. 595–599, 721–722; Д. 279. Л. 5, 12, 17–18; Д. 284. Л. 640–649; Д. 336. Л. 414.
- lxix Там же. Д. 262. Л. 33об.; Д. 265. Л. 26–27.
- lxx Там же. Д. 268. Л. 1363–1364; Д. 329. Л. 697; Д. 374. Л. 28об.
- lxxi Там же. Д. 368. Л. 1255–1256; Д. 588. Л. 72; Д. 595. Л. 4–5; Д. 422. Л. 138об.
- lxxii Кийков А. Указ. соч. С. 91–92.
- lxxiii ЦГИА РБ. Ф.И-187. Оп. 1. Д. 371. Л. 635об.
- lxxiv Там же. Д. 311. Л. 288; Д. 517. Л. 11об.; Д. 382. Л. 442.
- lxxv Там же. Д. 312. Л. 634, 637.
- lxxvi Там же. Л. 627, 631, 642, 670, 880, 884.
- lxxvii Там же. Д. 322. Л. 110; Д. 286. Л. 1308.
- lxxviii Там же. Д. 322. Л. 106, 111.
- lxxix Там же. Л. 134; Д. 338. Л. 953 и др.
- lxxx Там же. Д. 338. Л. 972–975.
- lxxxi См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.
- lxxxii Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 22.
- lxxxiii ЦГИА РБ. Ф.И-187. Оп. 1. Д. 284. Л. 475.
- lxxxiv См.: Рябухин Е. И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907–1914 гг.). Ч. 2, кн. 2. Саратов, 1973. С. 114–118.
- lxxxv ЦГИА РБ. Ф.И-187. Оп. 1. Д. 284. Л. 423, 475; Д. 302. Л. 2а.
- lxxxvi Макарчук С. В. Экстремистские политические группировки в Забайкалье в 1906–1908 годах // Права, свободы человека и политическая борьба. Уфа, 2000. С. 39–42.
- lxxxvii ЦГИА РБ. Ф.И-187. Оп. 1. Д. 327. Л. 60об.
- lxxxviii Там же. Д. 265. Л. 95об.
- lxxxix Там же. Д. 371. Л. 648, 655.
- xc Там же. Д. 372. Л. 659–660, 666–667, 670–671; Д. 387. Л. 789; Д. 553. Л. 252.